

Указывалось также, что Дриллх информировал охранку о проходивших в Москве всероссийских общественных съездах, о деятелях народного образования, о лекциях общества народных университетов (1911–1912), о политических консультациях либералов и социал-демократов на совещаниях, созванных по инициативе фабриканта-прогрессиста А. И. Коновалова, о докладе одного из лидеров кадетской партии С. Н. Прокоповича в союзе городов (1914), о поездке общественных деятелей за границу, о подготовительной работе к кооперативному съезду (1916) и т. д.

В заключение уместно будет сказать, что, как отмечают историки, сопоставление донесений Дриллеха периода Первой мировой войны с документами кадетской партии показало, что в угоду заказчикам информации из охранки он намеренно преувеличивал степень оппозиционности кадетов, «нередко сообщая недостоверные и просто фантастические сведения».

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Валерий СКОБЛО

МУКА И ДРУГОЕ

В послереволюционной жизни Горького много неясного...

Российский гуманитарный энциклопедический словарь. 2001

Тайна или, по крайней мере, некая таинственность есть во всем. Это ведь как посмотреть. Уж, казалось бы, две пьесы Максима Горького начала 30-х — «Егор Булычев и другие» и «Достигаев и другие»... В ранней моей юности Горький — за полной неизвестностью других, как минимум, не менее достойных советских писателей (Булгаков и Платонов были еще не изданы) — мне безусловно нравился, и все, что было «под рукой», я прочитал. Но даже тогда эти две пьесы показались мне какими-то... слишком «плоскими», что ли.

Валерий Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту», «Записки вашего современника», «О воде и воле», «За тайной печатью». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Финляндия, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних лет в журналах «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крешатик», «Литературная газета», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал» и др. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А. А. Ахматовой (2015). Место проживания — Санкт-Петербург.

Так получилось, что этим летом на даче тоненькая книжечка Детлита с этими пьесами попалась мне на глаза, и я снова их перечитал. Мнение мое о них не улучшилось, но они меня всерьез заинтересовали. Вот их краткая канва (не надеюсь, что теперешняя молодежь тратит время на их прочтение).

Время действия — 1917 год, где-то между Февральской и Октябрьской революциями (включая самые первые ее дни). Место действия прямо не указано, но, видимо (как и в следующей, последней пьесе Горького «Васса Железнова», точнее, во втором ее варианте 1935 года), это провинциальный город на Волге. Булычев и Достигаев — российские капиталисты «на сломе эпох», противопоставленные друг другу.

Булычев — умирающий от цирроза печени и в последние дни жизни ощущающий, что «не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими... Отец мой плоты гонял. А я вот...»

И Достигаев — предающий всех и вся, прилаживающийся к любой власти, в том числе и к большевикам, но и в 1917 году задумывающийся не иначе как «Промпартию»: «А вот, если ножку им подставить на крутом-то пути... на неведомой дороге?»

Противопоставление это в пьесах представлено, пожалуй, что и с неким перебором, не имеющим прямого отношения к идейному замыслу. Если к тяжелобольному Булычеву (умирающему между временем действия пьес, где-то в сентябре 1917-го) до последних дней его жизни бегают по ночам горничная Глафира, страстно его любящая, то жена Достигаева Елизавета им и здоровым недовольна, и обличает: «Я тебе, Вася, прямо говорю, и не первый раз: с тебя — хватит, а мне — мало!» Но, собственно, не о главных героях, Егоре Булычеве и Василии Достигаеве, пойдет речь.

Перечислим тех персонажей «Булычева...» и «Достигаева...», которые нам понадобятся. Это, помимо уже упомянутых лиц, Ксения — жена Булычева, Александра (Шура) — его побочная дочь, Варвара — дочь от Ксении, Антонина и Алексей — дети Достигаева от первой жены, Нестрашный — бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, Яков Лаптев — крестник Булычева, Донат — его лесник, Калмыкова, Рябинин («товарищ Петр») и некий Бородатый солдат. Пятеро последних — активные участники революционных действий, Лаптев, Калмыкова и Рябинин — очевидно, большевики.

Заметим, что изображены эти большевики, если внимательно приглядеться, несколько странно. Бросается в глаза их некая, мягко говоря, эмоциональная обедненность. Вот диалоги из «Булычева»:

Лаптев. ...А как Булычев?..

Глафира. Плохо ему.

Лаптев. Плохо? Постой, постой! Голодно живут приятели мои, тетя Глаша, не достанешь ли муки, пуда два, а то и мешок?..

.....

Ксения. ...Отец-то крестный — болеет, а тебе хоть бы что...

Лаптев. Заболеть надо мне, что ли?..

И это при том, что Булычев относится к своему крестнику с искренней симпатией. Да и, пожалуй, ко всем революционерам, как минимум, с живым интересом.

А вот из «Достигаева». Шура, изо всех сил старающаяся помочь большевикам, обращается к одному из их лидеров — Калмыковой:

Шура. ...Мне кажется, что ты и Яшка смотрите на меня как на купеческую дочь, как на временную полезность.

К а л м ы к о в а. Ну... Все — временно! Прощай, я тороплюсь...

Хорошо, большевики — люди занятые, им не до всех этих сантиментов.

Но надо признать, что и «господа» в изображении Горького в отношении нравственной глухоты не лучше «работников»:

В а р в а р а. ...Мамаша, пойдемте-ка в кухню, там повар капризничает...

К с е н и я. Он — не в себе, у него сына убили.

В а р в а р а. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают...

Заметим, что две смерти «обрамляют» действие этих двух пьес. Смерть сына повара в самом начале «Бульчева...» (на которую никто, собственно, и внимания не обратил) и самоубийство Антонины, дочери Достигаева, в самом конце «Достигаева» (про нее мы поговорим позже).

Но вернемся к упомянутой выше Лаптевым муке — «пуда два, а то и мешок». Глафира тоже симпатизирует Лаптеву и вообще большевикам, но... диалог продолжается:

Г л а ф и р а. Что же — воровать у хозяев буду для тебя?

Л а п т е в. Да ведь уже не первый раз! Все равно — и раньше грешила, грех — на мне! Ребятам, ей-богу, кушать охота! Тебе же в доме этом за труд твой принадлежит больше, чем хозяевам.

Г л а ф и р а. Слыхала я эти сказки твои! Завтра утром Донату буду отправлять муку, мешок возьмешь у него...

Как-то это... Все же ленинское «грабь награбленное», сказанное годом позже, несколько масштабнее, по-своему величественнее этого тривиального воровства. Впрочем, можно подумать, что задуманное воровство оправдывается жалостью Лаптева к этим «приятелям», которые «голодно живут» и которым «кушать охота». Как бы не так!

Отправление муки леснику Донату в связи со смертью Бульчева откладывается, но эти мешки всплывут в октябре в «Достигаеве». Вот лидер большевиков Рябинин обращается к этому самому Донату, к которому мука все-таки попала:

Р я б и н и н (Донату). ...Значит — решили: часов в шесть утра посылай наших солдат, они заберут муку и отвезут половину — себе, половину на фабрику, прямо в казарму. Бабы сразу увидят, что большевики не только обещают, а и дают. Ясно, леший?..

По нынешним временам это называлось бы подкупом электората, причем, что самое забавное, за ворованные продукты.

Тут надо понимать, что Горький действительно прекрасно знал своих героев: и большевиков, и капиталистов, некоторые из них материально помогали революционерам, причем Горький служил неким передаточным звеном в этой цепочке. Собственно, и сам Горький был членом партии: он вступил в РСДРП в 1905 году (и вышел из нее в 1917-м). Так что навряд ли он что-то придумывал в деталях, а вот по большому счету — это вопрос. Все же в какой-то степени гуманисту Горькому трудно было смириться с тезисом: морально все, что служит победе пролетариата. Тезису, под которым мог бы подписаться за почти полвека до того и сам Нечаев.

Нечто вроде слегка иронического отношения к вроде бы сугубо положительным героям просвечивает и во многих других местах обеих пьес.

Вот диалог Доната и Рябинина по поводу недавнего выступления последнего перед народом:

Д о н а т. ...Тебя, слышно, прогнали сегодня с митинга-то?

Р я б и н и н. Был такой случай. Силен эсер в нашем городе!..

Думаю, сейчас Рябинин упомянул бы в качестве причин своего провала и про «печенюшки Госдепа».

Забавно и даже несколько педалируемое Горьким отношение большевиков к еде. Рябинин в гостях (по революционным вопросам) в доме умершего уже Булычева, нестати встретившейся жене которого Ксении, выражающей некое удивление его появлением в своем доме, представляется так: «Здравствуйте, хозяйка! Я — водопроводчик...». Обсудив вопрос с пресловутой мукой и другие политические темы, Рябинин обращается к Донату, который вовсе не хозяин в доме:

Р я б и н и н. ...Ну, ладно. Что же — чайку-то?

Д о н а т. Сейчас.

Р я б и н и н. И — поесть. Аппетит у меня — очень хороший, а поесть — нечего...

Или:

Г л а ф и р а. Выпили бы чаю...

К а л м ы к о в а. Спасибо, Глаша, некогда. Вот — булку возьму. И сахару...

Ну и тот же Рябинин, обговорив тонкий идеологический вопрос:

Р я б и н и н. ...Ну-с, теперь хлебнем чайку... (*Шуре*.) Угощайте!

Ш у р а. Пожалуйста...

Г л а ф и р а. Вот — поешьте сначала. Водки выпьете?

Р я б и н и н. Очень выпью! Редчайшая жидкость. И — даже ветчина? И горчица? Вполне Валтасаров пир!

(Шура взволнованно ходит. Рябинин, взглянув на нее, подмигивает Глафире, та неохотно усмехается.)

Г л а ф и р а. Кушайте. (*Пошла за водкой*)...

Тот идеологический вопрос, который быстро и решительно решает Рябинин, о прессе — опубликовать ли стихи некоего «блаженного»:

Р я б и н и н (*Лантеву*). Значит — так: стишки — к чертям собачьим! Сам сообрази: зачем печатать вредную ерунду, если можно ее не печатать?..

Это несколько прямолинейное, но зато идеологически вполне выдержанное отношение к прессе и вообще к искусству и преобладало потом во всей 70-летней истории советской власти. А уж кто там будет определять, насколько стишки ерундовые или вредные, — этот многоумный вопрос ценителю «редчайшей жидкости» вполне резонно в голову не приходил.

Вот Донат, который, видимо, много старше Рябинина, задает ему робкий вопрос о возможности примирения с эсерами и получает от него (до этого называвшего его «лешим») решительный отпор:

Рябинин. ...Тебе, малютка, следовало бы эсером быть, ошибочно ты с нами.
Донат (*сердито*). Моя ошибка — не твое дело.
Рябинин. Не мое? Мм...

Это «Мм...» дорогого стоит. Большевики еще полностью не взяли власть в свои руки, а будущие замашки видны. В 30-е годы Рябинин еще запросто припомнит Донату глупые его вопросы. Впрочем, почти наверняка и сам получит свое.

А еще в феврале между Ксенией и Лаптевым состоялся такой диалог, ясно, хотя и несколько наивно, показывавший близкие намерения большевиков:

Ксения. ...Вон, слышь, царя хотят в клетку посадить, как Емельку Пугачева.
Врут, что ли, грамотей?
Лаптев. Все возможно, все!..

И как оказалось, в клетку не в клетку, но все вполне оказалось возможным.

В конце «Достигаева...» большевики, среди которых «Яков Лаптев... с револьвером в руке... Бородатый солдат, лет 40, с винтовкой, две гранаты у пояса... в лаптях и молодой рабочий, смазчик вагонов или масленщик, чумазый, выпачканный нефтью, маслом, тоже с винтовкой», являются в дом Достигаевых, чтобы арестовать неких предполагаемых заговорщиков против большевиков. Заговорщиков заложила «на всякий случай» и, верно понимая момент, осторожная жена Достигаева (который очень одобряет ее поступок), Елизавета... та самая... недовольная сексуальными возможностями мужа.

Лаптев, приведший большевиков в дом Достигаева, «говорит что-то Бородатому, тот счастливо ухмыляется, кивает головой». И скоро мы поймем, что Бородатый предвкушает встречу с «главой заговорщиков» Нестрашным и его арест:

Нестрашный. ...Каким судом судить будешь?
Борodatый. ...Суд у нас будет правильный, не беспокойся. Ты, поди-ка, не помнишь меня?..
Нестрашный. Конюх... Харя..
Борodatый. Вот те и харя! И — конюх!..

Что ж... очень поучительно.

Не буду сейчас останавливаться на нескольких исторических неточностях и анахронизмах этих пьес. Так, например, главный «злодей» Нестрашный, обозначенный Горьким как «председатель местного союза Михаила Архангела», никак не мог им быть в октябре 1917 года: деятельность этого союза была прекращена еще в феврале.

Но перед самым этим арестом кончает жизнь самоубийством дочь Достигаева — Антонина. Сама она про причины своего последующего самоубийства говорит Глафире, представляющей в данном случае большевиков, так: «А мне вот некуда идти. Ни с вами, ни против вас... не способна» — и даже намекает на возможный исход, как часто делают потенциальные самоубийцы в надежде, что их «отговорят». Но тщетно — кругом глухие.

Вот Антонина прямо говорит брату Алексею:

Антонина. ...Знаешь, я, кажется, застрелюсь.
Алексей. Это не ты взяла у меня револьвер?..

И все, дальше он про другое.

Похоже, что и «положительная» Глафира тоже поражена этой нравственной глухотой... или занята более важными революционными делами. Перед самым самоубийством происходит такой диалог:

А н т о н и н а. Ну, прощайте, Глаша!

Г л а ф и р а (*удивлена*). Я ведь не сегодня ухожу.

А н т о н и н а. Скажите Шуре... нет, лучше я напишу ей...

Г л а ф и р а. Сейчас?

А н т о н и н а. После. (*Ушла к себе.*)

(Глафира, нахмуясь, смотрит вслед ей, делает движение к двери, но отмахнулась и пошла в комнату налево...).

Это горьковское примечание «отмахнулась» стоит того, чтобы обратить на него внимание.

Отрицательный персонаж, поп Павлин, про самоубийство Антонины выражается так: «Высокоумие, атеистическая мечтательность — причины таких и подобных фактов.» Но и положительные персонажи трактуют его удивительно. Между Бородатым и Достигаевым происходит такой диалог:

Б о р о д а т ы й. ...Которая застрелилась, — она кто будет вам?

Д о с т и г а е в (*не сразу*). Она?.. Дочь...

Б о р о д а т ы й. До-очь?

Д о с т и г а е в. Да... Вот как... молодежь-то...

Б о р о д а т ы й. Молодежь... решительная! В дураках жить не желает. Дескать, отцы-деды пожили дураками, а мы давайте попробуем иначе...

Создается странное... двойственное впечатление, что и самоубийство Антонины трактуется Бородатом (и Горьким), как пример поведения «решительной молодежи», которая не желает «в дураках жить» как «отцы-деды» и решительно пробует жить «иначе».

Впрочем, повторю, все тут хороши. Елизавета активно пытается использовать смерть падчерицы, чтобы вызвать жалость пришедших с обыском большевиков и кидается к возглавляющему их Лаптеву, знакомому с Антониной. Но не на того напала:

Е л и з а в е т а (*быстро*). Яков Егорович, подумайте, какое несчастье у нас: Антонина застрелилась!... письмо есть для Шуры Булычевой, не знаете — где она?..

Л а п т е в (*Елизавете*). Позвольте... Это — потом...

Лаптев проводит обыск и аресты и лишь тогда отвечает Елизавете: «Я передам его Шуре, когда найду это удобным...»

Но все же для Лаптева Антонина хоть и знакомая, но время революционное, не до сантиментов, для Елизаветы Антонина — всего лишь падчерица, для Достигаева-то она — родная дочь, но:

Д о с т и г а е в (*лирически*). Ах, Лизок... умница ты моя! Как ты все это... замечательно! Как своевременно все... И про Антонину, и...

Е л и з а в е т а. Не будем говорить о ней...

Д о с т и г а е в. Да. Что скажешь? Неспособная была... (*Наливает вино в стакан.*)...

Арестованные уведены, но до зубов вооруженный Бородатый в лаптях остается, и между ним и Елизаветой происходит диалог, которым и заканчивается пьеса:

Б о р о д а т ы й (*весело*). ...Не-ет, вы уж все посидите тут, а я вас покараулю.

Е л и з а в е т а. Вы не смеете издеваться!

Б о р о д а т ы й. Чего это? Да я этого и не умею, издеваться-то, и даже не люблю. Это я — шутю, как будучи очень веселый... Вы... не того, не тревожьтесь, сидите смиренно!..

(*Начинается обыск.*)

Занавес.

Это в пьесе арестом, обыском, «шутю, как будучи очень веселый», — торжествующим таким финалом дело заканчивается, а в жизни в начале 30-х все только начиналось. И совсем без шуток и веселья.

Горький ко времени написания своих пьес вполне ощутил, что дверца «золотой клетки», в которой он оказался, навсегда и бесповоротно захлопнулась. Что он там, в ней находясь, думал, неизвестно и, как мне кажется, не очень интересно. Уж для него-то положение, в котором он очутился, было результатом его свободного и не вполне бескорыстного выбора. Все его творчество тех времен не то чтобы бесталанно, но всяко уж вполне конъюнктурно. А уж его «Если враг не сдается...» в приложении к тогдашним советским условиям, когда и враг на все 100 % выдуман, да и этот выдуманный втопан в грязь и ползает в ней на брюхе, — чего и говорить...

Все сказанное еще в большей степени относится к последней пьесе Горького «Васса Железнова» (точнее, к ее второй редакции 1935 года), в какой-то степени примыкающей к этим двум пьесам и иногда (что, с моей точки зрения, сомнительно) даже относимой к единой трилогии. Время действия пьесы — чуть ранее, чем в двух вышеупомянутых. К богатой купчихе Вассе Железновой приезжает из-за границы и останавливается у нее революционерка Рашель (Рахиль), как водится, полуподпольно и, видимо, по подложному паспорту. Приезжает по своим подпольным делам и затем еще, чтобы забрать своего сына Колю, воспитываемого в семье Железновых. Васса сына, естественно, не отдает, но нас сейчас интересует другое. Все, что говорит Рашель в пьесе Вассе, можно свести в единый обличительный поток, по своей наполненности еще более «плоский», чем у революционеров из «Булычева» и «Достигаева». Итак:

...не много жизни осталось для таких, как вы, для всего вашего класса — хозяев. Растет другой хозяин, грозная сила растет, — она вас раздавит. Раздавит!..

...Плохо живете, но лучшего и не достойны. Эта бессмысленная жизнь вполне заслужена вами... Не только вами лично, сословием вашим, классом... Там, за границей, также скверно живут. Может быть, даже и сквернее, потому что спокойнее и меньше мучают друг друга, чем вы...

...Мир богатых людей разваливается, хотя там они — крепче организованы, чем у нас. Разваливается все, начиная с семьи, а семья там была железной клеткой. У нас — деревянная...

...Может быть, иногда, вы чувствуете усталость от хозяйства, но чувствовать бессмысленность, жестокость его вы — не можете, нет. Я вас знаю... Червь, плесень, ржавчина портят вещи, вещи — портят вас... ...Я неплохо знаю ваш класс и здесь, в России, и за границей, — это безнадежно больной класс! Живете вы автоматически, в плену хозяйств, подчиняясь силе вещей, не вами созданных.

Живете, презирая, ненавидя друг друга и не ставя перед собой вопроса, зачем живете, кому вы нужны?.. Даже лучшие, наиболее умные люди ваши живут только из отвращения к смерти, из страха перед ней...

Горький никак не поясняет ни эту нетривиальную мысль насчет того, что жить спокойнее и не мучая друг друга — это еще сквернее, чем жить мучая, ни столь же глубокую мысль об «автоматической» жизни из одного «страха смерти». Ну, а дальше Рашель повторяет, только в еще более упрощенной форме излюбленную мысль большевиков (и, видимо, самого Горького) из пьес начала 30-х с поразительным прагматическим выводом применительно к собственному сыну:

Есть нечто неизмеримо более высокое, чем наши личные связи и привязанности... У меня есть другое дело, более серьезное... для меня — нет жизни вне этого дела. И пусть я... никогда не увижу Колю... У меня нет возможности воспитывать Колю...

Рашель основательно «заводится» от своих речей, ее отвращение к «миру капитала» зашкаливает, она отказывается от ужина у Вассы... Впрочем, ее дом не покидает. Похоже, в этой сцене Горький опять не слышит сам себя:

Не буду я ужинать. Противен мне хлеб ваш... Где я могу отдохнуть?..

Да, именно, что так: «Где я могу отдохнуть?..»

Ну вот, перечитал я эти пьесы Горького и задумался. Была ли вышеописанная душевная глухота даже их положительных героев следствием собственной эмоциональной холодности Горького (вспомним строки его письма времен Кровавого воскресенья о предполагававшейся смертельной болезни его гражданской жены М. Ф. Андреевой: «...опасно больна мой друг М. Ф. — перитонит. Это грозит смертью... Но теперь все личные горести и неудачи — не могут уже иметь значения, ибо — мы живем во дни пробуждения России»), не берусь судить. Не скажу, чтобы я всерьез предположил, что в них заключено некое зашифрованное послание к потомкам об истинной сущности большевиков — это все же сильно вряд ли. Было нечто глубинно роднившее Горького и с Лениным, и с большевиками: вера в «нового человека», нарождающегося в ходе революции и в результате социально-экономических мероприятий непосредственно после нее. Вера эта, разумеется, присуща не только большевикам, восходит к Ницше, да и в другой формулировке — о сверхчеловеке — не только большевиками унаследована. В свете этих идей, конечно, современники в массе своей жалки и не заслуживают особой жалости. Вера эта не рухнула с крахом коммунизма и нацизма как государственных образований. Никакие соображения реального плана о том, что вместо этого «сверх-» всегда рождались «недо-» со всеми кровавыми издержками этого процесса, поколебать эту веру, разумеется, не могут. И все же какая-то загадочность в этих пьесах Горького присутствует. Возможно, что, по выражению Булгакова, «изобразительная сила его таланта» оказалась даже в конце жизни так велика, что преодолела все идеологические задумки и донесла до нас нечто подлинное и, я бы даже добавил, актуальное.